

Майку и Мэтти, всегда

ОТРЫВОК ИЗ СВИТКА ОМИНА, 1.2:

Давным-давно, когда все королевства Авантина были едины под крылом великой богини Деи и краем правила могучая династия Деллафиоре, там жил очень дурной человек по имени Фраз.

Хотя у него имелось собственное состояние, Фраз очень завидовал своему двоюродному брату, королю, происшедшему по материнской линии из рода Деллафиоре и обладавшему намного большей магической силой. Эта зависть так разъяела сердце и душу Фраза, что он убил короля и завладел королевской короной.

Захватив власть, он стер всякое упоминание о Деллафиоре, дабы в будущем история Авантина начиналась с него, короля Фраза I.

Но вместо того, чтобы завоевать людские сердца, он прославился как Король Тиран, ибо был жесток, подозрителен и одержим желанием прибрать к рукам всю магию.

Посулив своим приверженцам великие богатства и власть, Король Тиран создал многочисленное и могучее войско и повелел его воинам собрать все до единого оккультные и священные тексты, которые они смогут найти, — от рецептов зелий до магических книг и томов, в коих содержались тайные знания о черной магии и демонах. Из них его наиболее доверенные приближенные составили единую гра-

моту, которая стала известна как Деянские свитки и сделалась единственным источником сведений о магии, ее истории и применении.

Никто в королевстве не имел доступа к этим свиткам, кроме тех, кто их составлял и кто именовал себя афразианцами в честь своего короля. Благодаря им король Фраз познал секреты самой темной магии во вселенной и правил и как король, и как колдун. А орден афразианцев, его магических воинов, получил во владение замок Баэр и мог использовать его как угодно. И афразианцы создали из него аббатство.

Обычным людям было запрещено обращаться к магии, и особенно это относилось к знахаркам и ворожеям, которых почитали великой угрозой власти короля и его людей.

Храбрые ведуньи сберегли столько магических знаний, сколько смогли, и передавали их тайно. Так была основана Гильдия Очага. Поначалу эта Гильдия была просто-напросто тайной организацией, занимающейся сохранением повседневной и бытовой магии, и только позднее она превратилась в общество шпионов и ассасинов.

Оставшиеся Деллафиоре затаились. Утверждали, что их род угас. Они были забыты, как и легенды о магах и демонах.

За трехсотлетнее правление Короля Тирана было множество восстаний против его власти, а после его смерти произошла смута, в результате которой Авантин распался на несколько королевств, борющихся друг с другом за власть: на западе образовалась Реновия, на севере — Монтрис, на юге — Аргония, а на востоке — Ставин.

Аббатство Баэр находилось на западе, и, таким образом, монахи-афразианцы сделались подданными Реновии. Но, хотя им полагалось подчиняться своему королю или королеве, могущество ордена умножилось настолько, что его предводители начали относиться пренебрежительно к своим монархам и действовать по своему усмотрению, к тому же многие из них принадлежали к высшей знати. Афразианцы

считали, что никто им не указ и они могут собирать десятину и вводить налоги по своему произволу. Ходили слухи, что это из-за них Реновия непрестанно воюет со своими соседями, ибо они продают магию тем, кто больше платит, и разжигают вражду, одновременно делая вид, будто они хранят верность короне.

Монахи-афразианцы несколько веков держали в своих руках Деянские свитки, скупно делясь с другими премудростью, которая была ведома им одним, и вынуждая всех остальных обращаться к ним за лечением любых физических и душевных недугов. Они притворялись послушными подданными своих государей, но на деле манипулировали ими по своему хотению.

Так продолжалось, пока потомок Короля Тирана король Эзбан не объехал свои земли и не обнаружил, как жестоко его подданные страдают от высоких налогов и духовного гнета. И тогда он решил, что магия и знания должны принадлежать всем, и поклялся раз и навсегда положить конец террору афразианцев.

Король Эзбан не продолжил линию правления своих предков и, вопреки мнению своих советников, решил не выходить из мирного договора и не нападать на Монтрис в отместку за их выступление против его молодой жены-монтрискианки. Вместо этого он объявил войну афразианцам и обрушился на аббатство Баэр. После продолжительной битвы войско короля одержало верх, но цена этой победы была высока. Король Эзбан сражался самоотверженно и отважно и погиб, отдав свою жизнь за свой народ.

Но, несмотря на его жертву, Деянские свитки так и не были найдены — они пропали вместе с последними представителями ордена афразианцев.

С тех пор вдова Эзбана, королева Лилиана, занимается поисками этих свитков. Они суть единственное собрание знаний о Деянской магии, если не считать тех премудростей, которые передавались Гильдией Очага, а также от матерей к дочерям.

Знания Гильдии являли собою лишь малую часть тех магических знаний, которые содержались в Деянских свитках, и без них королева и королевство Реновия остаются уязвимыми для угроз как из-за пределов страны, так и в ее границах.

Но королева переживает только о стране. Она пойдет на все, лишь бы отыскать свитки, ибо, только обретя их, она сможет защитить свою семью... и спасти свое королевство.

ПРОЛОГ

РЕНОВИЯ

*Период царствования короля Эзбана,
После битвы при Баэре*

— Король умер! Да здравствует королева!

Первой это прокричала дряхлая старуха из деревни Нхаинне, стоящая, сгорбившись, в задних рядах толпы, опираясь левой рукой на потертую клюку. Подняв свободную руку, она показала скрюченным пальцем на дворец и закричала опять, на сей раз громче, хотя ее сиплый голос срывался:

— Король умер! Да здравствует королева!

Поначалу остальные боялись раньше времени говорить о смерти государя, поскольку при предыдущих монархах такие разговоры считались изменой, но старуха прожила слишком долго, чтобы бояться правды. Она подняла свою клюку, ударила ею об землю и возгласила опять так зычно, как только могла:

— Король умер! Да здравствует королева!

Следующим эти слова произнес маленький мальчик, затем их начали повторять другие люди, слова распространялись, набирали силу, словно ветер, перерастающий в ураган. Поначалу они звучали чуть слышно, затем их произнесли многие разом, и так продолжалось, пока все вокруг не начали кричать:

— Король умер! Да здравствует королева!

Это переросло в требование. Жители Реновии желали получить ответы.

Накануне вечером крестьяне высыпали навстречу войску Реновии — оставшимся его воинам, когда те брели по проселочной дороге, возвращаясь домой, оборванные и босые. Их плечи были сгорблены, несмотря на одержанную ими победу, многие помогали шагать своим товарищам, еще более потрепанным, чем они. Воины сообщили, что их любимый король, сражавшийся в битве бок о бок с ними против монахов-афразианцев, был убит.

* * *

Поэтому вскоре после рассвета реновианцы начали собираться на границе Виоллы Рузы, их становилось все больше и больше — все хотели услышать объявление. Солнце уже стояло высоко, но к ним так никто и не вышел. Несомненно, королевский дворец сделает официальное объявление, как происходило всегда, когда монарх умирал, или хотя бы намекнет, что слухи о его смерти верны — и что королевству ничего не грозит. Больше всего реновианцы опасались вторжения войска Монтриса, хотя никто не удивился бы и нападению со стороны Ставина или Аргонии. Всем было известно, что мирные договоры часто нарушаются.

Но люди были встречены молчанием. Белокаменные стены и зубчатые башенки дворца безмолвно и зловеще нависали над собравшимися реновианцами, а королевское знамя Реновии реяло на самом высоком из его шпилей еще долго после того, как солнце зашло за дворец, а затем и за горизонт. Его так и не спустили. Никто не знал, как это понимать: то ли король Эзбан жив, то ли его жена просто не может принять его смерть. Или же ситуация и того хуже — и корону захватили афразианцы?

Наступил новый рассвет, но объявления так и не произошло. Однако вести о гибели короля и поражении афразианцев распространялись от города к городу, от деревни к деревне, и толпы вокруг дворца все росли, росли. Люди стояли перед

его огромными чугунными воротами, они заполнили окружающие поля, ряды скорбящих разрастались, в них вливались сначала десятки людей, потом сотни. Одни прибывали верхом или на повозках, на которых ехали и члены их семей, и их соседи, другие приходили пешком. Они привязывали к дворцовым воротам белые и лиловые тряпицы и приносили из своих садов корзины свежесрезанных цветов — лилий для королевы и сирени для маленькой принцессы — и раскладывали букеты вокруг замка. Их король пожертвовал своей жизнью, чтобы они могли надеяться на лучшее будущее, свободное от гнета ордена афразианцев. И теперь все свои надежды они возлагали на королеву-регентшу и наследницу престола.

Настроение было праздничным и в то же время серьезным и печальным. Все являлись ко дворцу в своих лучших одеждах, и посему в толпе встречались яркие цвета, разные оттенки красного и желтого, среди традиционных белых траурных нарядов. Собравшиеся здесь более походили на богатый цветник, чем на скорбящих. Здесь встречались старые друзья, вокруг родителей бегали дети, играя в догонялки. Как-никак нечасто стольким людям из стольких уголков страны случалось собраться вместе, к тому же у них был повод для празднования: королю удалось наконец разгромить мятежников-афразианцев, хоть победа и досталась Реновии высокой ценой.

Выжившие в битве с удовольствием рассказывали толпе о последних минутах жизни короля Эзбана и его доблести, клянясь, что они видели своими собственными глазами, как их великий король, собственноручно сразив целую вражескую роту, был пронзен мечом на вершине пригорка, когда на небе, провожая его в загробный мир, пламенел великолепный закат. А через несколько секунд после гибели короля убивший его монах-афразианец пал от руки младшего брата короля принца Аласта, который своим сверкающим мечом отрубил предателю голову.

Когда последние афразианцы отступили, бежав в окружающий аббатство лес, те из оставшихся воинов короля, кто не был ранен, собрали своих павших, включая самого короля, по-

грузили их тела на подводы и запрягли в эти подводы немногих лошадей, которых им удалось отыскать.

И теперь этих погибших воинов во главе с убитым королем привезли в столицу, дабы похоронить их в городских катакомбах. Так что все, мимо кого проезжала эта процессия, могли видеть, что король Эзбан в самом деле мертв.

Однако королевский дворец по-прежнему хранил молчание...

* * *

На четвертый день после битвы при Баэре, ближе к вечеру, королева Лилиана наконец отодвинула край портьеры на одном из высоких стрельчатых окон своих покоев. С тех пор, как до нее дошла весть о гибели мужа, она укрывалась здесь, и ее покои стали походить на гробницу, ибо их освещала всего лишь одна свеча. У королевы болела голова. Когда она отодвинула портьеру, в комнату проникло солнце и залило светом мраморный пол. Королева вздрогнула и прищурилась, ожидая, когда ее глаза привыкнут к яркому свету, затем посмотрела на возбужденную толпу внизу. Один из собравшихся что-то кричал, те, кто окружали его, согласно кивали. Он размахивал руками, указывая на дворец.

— Мне надо поговорить с моим народом, Холт, — сказала королева. — Заверь их, что я их законная королева, хотя я и не из Реновии.

С момента, как ее муж повел свое войско на аббатство Баэр, дабы сокрушить мятежных афразианцев, она почти не спала. И не выходила из своих роскошных покоев. Случилось именно то, чего она боялась: ее муж погиб. Она уговаривала его не отправляться в поход самому, но Эзбан сказал, что его воины должны видеть своего короля, что это его долг. Прежде всего он был человеком чести, и его призванием было вести людей за собой. Но теперь его не стало, и ей предстояло как-то жить без него.

Несмотря на свою горе, королева Лилиана держалась с обычным достоинством. Ее черные волосы были заплетены в косы

и уложены в аккуратный узел, а темно-фиолетовое парчовое одеяние свободными складками ниспадало с ее плеч до тuffель. Только ее лицо выдавало усталость — ее глаза, обычно подведенные сурьмой, были сейчас без краски и опухли от слез, смуглая кожа посерела. На ее чайном столике стояли серебряные подносы с нетронутой едой. Она лишь откусила от ломтика хлеба, чтобы убаготворить своих советников, прежде чем приказать им удалиться из королевских покоев.

Всем, кроме одного. Известный в народе как Королевский Ассасин, Кордин Холт был личным советником Эзбана и командующим войсками службы безопасности Реновии — а также самым близким и доверенным другом покойного короля. И посему именно ему было поручено охранять королеву Лилиану, пока король Эзбан находится в походе. И с момента, когда принц Аласт принес во дворец весть о гибели Эзбана, только Холту королева позволяла приближаться к себе.

Как только Аласт вышел из королевских покоев, Холт встал возле их дверей и собрался оставаться на своем посту, пока он будет нужен королеве.

— Холт, я должна с ними поговорить, — сказала она.

— Это слишком опасно, — ответил он, держа руки за спиной и вздернув волевым подбородок. — Если вы выйдете на балкон, ваша жизнь окажется под угрозой. Мы не знаем, кто может стоять там, внизу.

Королева широко раскрыла глаза.

— Вы же сказали мне, что эти клятые мятежники разбиты. Что афразианцам пришел конец.

«По большей части», — подумал он. И, придав своему лицу выражение бесстрастия, осторожно ответил:

— Так оно и есть. Но в королевстве почти наверняка остались те, кто сочувствует им. Так бывает всегда.

Лилиана задернула портьеру, и комната опять погрузилась в сумрак.

— Выходит, мой муж погиб напрасно?

Холт вздохнул и переступил с ноги на ногу, почувствовав некоторую неуверенность, что с ним случалось нечасто.